

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ В. А. ШАРОВА «ЦАРСТВО АГАМЕМНОНА»
POLITICAL DISCOURSE IN V. A. SHAROV'S NOVEL «THE KINGDOM OF AGAMEMNON»

Аннотация: В данной статье рассматриваются характер и функционирование политического дискурса в романе В. Шарова «Царство Агамемнона». Его особенностью является взаимодействие с различными формами эго-текстов, что приводит к специфичности функционирования исторического нарратива. Рассматривается характер репрезентации истории, выявляется тенденция её нарративизации. Автором определяется роль политического дискурса в структуре исторического сознания, а также причины деконструкции данного феномена в исследуемом тексте.

Ключевые слова: политический дискурс; исторический нарратив; эго-текст.

Abstract: This article examines the nature and functioning of political discourse in V. Sharov's novel «The Kingdom of Agamemnon». Its peculiarity is the interaction with various forms of ego texts, which leads to the specificity of the functioning of the historical narrative. The nature of the representation of history is considered, the tendency of its narrativization is revealed. The author defines the role of political discourse in the structure of historical consciousness, as well as the reasons for the deconstruction of this phenomenon in the text under study.

Keywords: political discourse; historical narrative; ego-text.

Конец XX века был ознаменован кардинальным изменением отношений между историком и историческим источником, которое было вызвано «семиотическим вызовом» [3, с. 119]. Этот вызов был направлен против идеи о достоверности и точности объекта познания исторической науки. Постмодернистская эпоха утверждала, что история существует в виде дискурсивных, нарративных структур, а не объективной совокупности фактологического материала. Именно язык стал тем детерминирующим фактором, который определяет историческое мышление.

Идея лингвистического поворота находит отражение в творчестве Владимира Александровича Шарова, который, будучи известен широкому кругу как писатель, был по образованию историком. Профессионализация творчества прослеживается в его отношении к истории и тексту.

Однако подобная конструкция представлена в текстах В. Шарова нетривиально. Постмодернистская концепция истории реализуется с помощью появления большого количества эго-текстов. Субъект подобной нарративной конструкции всегда находится в «эгоцентрической позиции», когда текст выстраивается и презентуется исключительно с «субъективной авторской точки зрения» [1].

В романе «Царство Агамемнона» используется большой пласт эго-текстов, разнообразных по формальной организации: отрывки из научных статей главного героя Жестовского, его роман, воспоминания его дочери Электры, письма Никифора Игнатию, доносы Жестовского, отрывки из записей допроса главного героя следователем Зуевым. Однако концептуально все перечисленные примеры эго-текстов однородны. Их объединяет литературная природа всех источников. Даже если изначально они существовали в устном варианте (как воспоминания Электры, записанные Глебом лишь спустя некоторое время), то конечный способ их существования и функционирования – письменный.

Обозначенные выше нарративные структуры, которые встречаются в романе В. Шарова, обладают общими для всех видов эго-текстов чертами: рефлексивность, интерпретируемость и временные характеристики (дистанция между моментом описываемого события и моментом написания и целевая соотнесённость с прошлым), формируя тем самым мифологему памяти. Для каждого из этих видов эго-текстов характерна реконструкция истории через механизм памяти, что реализуется и на уровне сюжета, так как каждый действующий герой обращается к прошлому: Электра во время разговоров с Глебом вспоминает своё прошлое, Жестовский во время допроса рассказывает Зуеву и о своей жизни, и о жизни Лидии Беспаловой, а затем Тротта.

Выстраивание эго-текста происходит в рамках политического дискурса. Под дискурсом мы понимаем речь субъекта в экстралингвистическом контексте. Контекст политического дискурса предполагает наличие понятия власти [2]. Этот властный элемент может прослеживаться по-разному.

На нарративном уровне политический дискурс определяет жанровую стратегию политического детектива, связанную с сюжетом государственной тайны. Начало романа «Царство Агамемнона» посвящено истории внука Михаила Романова, Евгения, который оказывается тайным агентом российской разведки в Аргентине. Характерной чертой государственной тайны становится смена имени, возникающая в романе несколько раз. Первым меняет своё имя чекист Евгений Романов, выдавая себя «за солдата Ференца Нада, по происхождению полунемца-полувенгра» [4, с. 4]. Для него смена имени становится «родовым действием», так как его отец Александр Романов пережил смену имён дважды: будучи Романовым по праву происхождения, он никогда не носил эту фамилию, так как его записывают в метриках как Мещерского, чтобы избежать смерти во время Гражданской войны. Уже в зрелом возрасте, под конец Второй мировой войны, он берёт имя Дьердя Нада, чтобы пересечь венгерско-австрийскую границу. Третьим героем, меняющим своё имя, становится сам Жестовский, который путешествует по России «под именем великого князя Михаила Романова» [4, с. 60]. Герои по очереди будто примеряют на себя своеобразную маску Миха-

ила Романова, вживаясь в его судьбу, в его жизнь. В случае Жестовского это особенно заметно, так как его вторая жена, духовная избранница, носит то же имя (Лидия Беспалова), что и мать Александра Мещерского, фрейлина его отца, Михаила Романова. Если смену имени первых трёх героев объединяет история Романовых, то Жестовский со следующими тремя героями объединен кровными узами. Сына Жестовского при рождении назвали Зориком, однако «паспорт ему выправили на Алексея» [4, с. 31]. Якутка, жена Жестовского, становится Клитемнестрой, а дочь Галина Николаевна называет сама себя Электрой.

Политический дискурс определяет и форматы эго-текста. Большинство из них структурированы в виде вопросно-ответной формы. Сюда входят лагерные допросы Николая Жестовского следователем Зуевым. Данный вид эго-текста наиболее политизирован, что обуславливается не только формой их беседы, предполагающей определённые социальные коннотации (допрос – примета советского времени), но и сюжетными вставками про доносы Жестовского, которые он каждую неделю перебеливал и относил своему следователю в Ухте. Вопросно-ответный формат характерен и для отношений Глеба и Электры. С одной стороны, сами воспоминания Галины Николаевны выстроены как эпистолярный нарратив, они формально организуются как записи личного дневника. Однако они обрамлены примечаниями Глеба, в которых часто содержится вопрос или высказывание, которые станут темой дальнейшего монолога Электры. В их отношениях Глеб задаёт определённый вектор разговора, а Электра его развивает, так же как и Зуев на допросе определяет тему, а Жестовский рассказывает всё, что знает и думает по этому поводу. Это тоже своего рода допрос, тем более что Электра находится под присмотром в доме для престарелых. И хотя лагерного оттенка здесь нет, но мотив принуждения, неволи, контроля присутствует.

Политический дискурс деконструирует исторический нарратив, так как, будучи формой его презентации, обнаруживает свою фикциональность. Подобная «пустота» политического дискурса прослеживается на нескольких уровнях. Во-первых, это отчётливо заявлено на уровне сюжетного развития романа. Все политические интриги сводятся к двум проблемным вопросам: убил ли Мясников царя? и где находится второй роман Жестовского? Обе тайны оказываются «пустыми». По ходу повествования выясняется, что, возможно, Мясников и не причастен к убийству монарха, тогда его роль в свершении революции оказывается ложной, а его книга перестаёт быть историчной. Она из источника правды, из «генератора» дальнейшей истории России превращается в фикцию. Подобная же ситуация происходит и со вторым романом Жестовского. Глеб, слушая на протяжении нескольких лет рассказы Электры, был уверен в существовании текста «Агамемнона». Даже сама Галина Николаевна, перебеливая страницы романа, не могла понять, сколько романов написал её отец. Все её воспоминания, вся история жизни семьи, направленные на поиск основной книги – семейного, родового, народного центра – в итоге оказались ложными, искажёнными, так как этого романа не существует.

Подобная ситуация фикциональности политического дискурса на нарративном уровне заявляется общей природой различных видов эго-текстов. Все форматы эго-текстов, детерминированные политическим дискурсом, содержат в

себе литературную составляющую. Некоторые из них первоначально по природе своей являются литературными или литературоведческими текстами (статьи и романы Жестовского, сочинения Глеба). Другие же подвергаются литературной обработке уже впоследствии, как, например, доносы Жестовского, требующие корректировки, смены акцентов с течением времени и перебеливания, многократного переписывания. Сюда же относятся и воспоминания Электры, оформленные Глебом в виде личного дневника. Литературный дискурс всех эго-текстов обнуляет их, разрушая их истинность, а значит, и историчность. Деконструкция исторического нарратива приводит к тому, что повествование организовывается сакральным текстом литературной природы – мифом об Агамемноне и Электре. Он воплощается и в названии несуществующего романа Жестовского, и в специфике презентации родовой истории его дочерью. Жестовский, якутка и Галина будто проигрывают на протяжении всей своей жизни античный миф. Подлинная история стирается, а на её месте возникает проживание истории через литературную призму

Таким образом, политический дискурс, для которого характерно понятие власти, а значит и принуждения, организует исторический нарратив в романе В. А. Шарова «Царство Агамемнона», презентуя идею власти истории, и при этом является способом деконструкции исторического нарратива.

Библиографический список

1. Михеев, М. Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или предтекст / М. Ю. Михеев. – URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (дата обращения: 18.03.2023).
2. Мурадян, А. А. Политический дискурс сквозь призму литературных цитаций / А. А. Мурадян // Язык и текст. – 2020. – № 4. – С. 99–106.
3. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011. – 559 с.
4. Шаров, В. А. Возвращение в Египет / В. А. Шаров. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/1121743-vladimir-sharov-vozvrachenie-v-egipet.html> (дата обращения: 04.06.2022).